

Алексей Михайлович Ремизов
Мартын Задека. Сонник

сд SDer4@Yandex.ru
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156820
Ремизов А. М. Избранные произведения: Панорама; М.; 1995
ISBN 5-85220-453-6

Аннотация

Сборник представляет собой итоговое собрание произведений в жанре снов.

Содержание

Полдни ночи	3
	10
Ивица	10
Медведица	11
Кошка	12
Спутник	13
Великан	14
Бескрылый	15
Зеленая заря	16
На луну	17
Чучело	18
Альбом	20
Туфельник	21
У хвоста	22
Брандахлыст[16]	23
Мой портрет	24
Сорокоушник	25
Из ничего	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Михайлович Ремизов

Мартын Задека

Сонник

*Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека,
Ни даже Дамских Мод Журнал
Так никого не занимал:
То был, друзья, Мартын Задека,
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.*
«Евгений Онегин».

Полодни ночи

*Was von Menschen nicht gewusst
Oder nicht bedacht,
Durch das Labyrinth der Brust
Wandelt in der Nacht.¹*
Goethe. An den Mond

«Полодни» говорят, когда весной с оттаявшей земли подымается густой теплый пар – земля дышит. А «полодни ночи» сны – дыхание ночи.

1

Как помню себя, всегда мне снились сны. И не постучи в мое окно или звонок, я перестал бы различать что сутолочная явь, что жаркие видения – моя тонь ночи. Ночь без сновидения для меня, как «пропаций» день.

После необходимых пробуждений в день, я в «жизни» только брожу – полусонный: в памяти всегда клочки сна – бахрома на моей дневной одежде.

Завидная богатая доля – мой мир, какая большая реальность! – но за то и жестоко отмщается в жизни. Хотя сама явь не так уж ясна и математична, как это принято заключать с трезвого недалекого глаза, подумайте, одна «случайность» чего стоит! – а в сновидениях, под знаком как раз этой «случайности» не одна чепуха и несообразность.

Сон – это как разговор с «тронувшимся» человеком: слушаешь и все как будто по-человечески, но где-нибудь непременно, жди сорвется, какое-нибудь не туда без основания «потому что» или определение уже очень неожиданное – будет рассказывать о говядине и вдруг говядина окажется не мясная, а «планетное мясо».

Все-таки приходится жить, как же иначе: и сон и явь крепко связаны и друг другом проницаемы. Зря только хорохориться, носиться с какими-то непреложными «законами природы»: жизнь ведь можно было бы подвести совсем под другие законы, взглянув на нее из сновидений, а не из лаборатории. Но и жить с одними сновидениями один пропад – каша и неразбериха, по себе знаю.

¹ *Was von Menschen, nich gewusst...* (эпиграф) –<Счастлив тот...>Кто делит с душой родной,Втайне от людей,То, что презрено толпойИли чуждо ей.И. В. Гете. К Луне (пер. В. А. Жуковского)

Часы у меня с одной стрелкой, большая отскочила и всегда спешат, я живу приблизительно, отчетливо не различая дня – вещей и происшествий. Но что я заметил: когда я обрежу себе палец, чиня карандаш или разрезая книгу или чистя картошку, кровь меня сейчас же отрезвит. Вот я и подумал: кровь и есть явь и никакой яви без крови.

Еще приводит меня к жизни холод, но это тоже связано с кровью. А без еды я могу оставаться неделями, не спохвачусь – что такое голод я не знаю, и только жажда.

И когда у меня есть кофе и папиросы, как-то само собой все идет – продолжается в кровавой яви вчерашнее призрачное сновидение.

И кажется, тут бы и должен начаться интересный рассказ со всякими вывертами и превращениями и со всем комическим смехом над воображаемой уверенностью «правильный человек» – судии «меры и числа», души вещей живых и мертвых. А на поверку, мне и рассказать-то особенно нечего. Не от беспамятности – теперь я могу судить себя, памяти у меня на все хватает и на дневное и на ночное, нет, моя бедность по моей природе: душа у меня – не глубоко черпаю и вижу не далеко.

Или природа человека, весь его состав окостенел даже сравнительно со временем Шекспира и Эразма, огрубело восприятие другого мира и только что под носом да на ощупь. Или самостоятельно, на свой страх, будь ты хоть бездонным, а мало чего достигнешь. А для успеха непременно надо лестницу, – «матерьял», как у Новалиса и у Нерваля², какую-то кабалистически-окультную подпорку. Или эпилепсию Достоевского, алкоголь Эдгара По и Э. Т. А. Гоффманна. Вообще какой-то вывих, «порок», чтобы треснула кожа и воспламенилась кровь, а если переводить на речь, – чтобы отчетливо зазвучал перво-звук слова.

А я прежде всего «нормальный» – здоровая кровь, крепкое сердце и легкие для певца – мне как-то даже неловко, перед теми «отмеченными», с рассеченной глубоко душой, кого люблю и чту. И в кабале и в окультизме я ничего.

2

Каждую ночь я вижу сны, и по-утру запишу. В течение нескольких лет вел графический дневник: рисовал сон, а вокруг события дня.

В книгах «По карнизам» и в «Взвихренная Русь» я сделал опыт: дать переплеск сна в явь – происшествия ночи и непосредственно события дня.

Кто видит сны, не может не обратить внимания и безразлично пройти мимо своих ночей, но обыкновенно вспоминается и рассказывают один сон, ну два, не больше.

Или бывает так: перед каким-то событием приснился сон, содержание испарилось и только остается на всю жизнь: что-то особенное снилось, но не могу вспомнить.

Так случилось с С. Т. Аксаковым, в его воспоминаниях есть про сон роковой, бесследно канувший.

Сны очень коротки – или память на сны коротка? Но бывают сны «высокого дыхания» – если записывать, хватит на несколько страниц: одно за другим, точно разобранный день; бывают такие дни, начнется с утра и пойдет, все что-то совершается, и так до ночи.

И как бы ни был сон несообразен, а чем неоправданнее, тем из снов он «соннее», мера дневного сознания держит его крепко: в самом сне можно ведь сказать: «это мне снится».

В литературных снах – сны в рассказах – всегда любопытно, где «сорвется» дневное (реальное) сна. В этом срыве все искусство. Большим искусством в описании снов владел Л.

² *Новалис* (наст. имя – Фридрих фон Харденберг; 1772—1801) – немецкий писатель и философ, представитель раннего романтизма. Идеи, близкие к ремизовской теории сновидения как формы творчества, выражены в его поэтическом цикле «Гимны ночи». *Нерваль* Жерар де (1808—1855) – французский поэт, поздний романтик, считавший сновидчество параллельным существованием, приращающим к сокровенным тайнам бытия.

Н. Толстой, наблюдавший в жизни что самому снилось, и подметивший закон «беззакония» сна.

То же большое искусство у Достоевского, Тургенева, Лескова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова.

Есть сны и у Горького, хорошие, как приближения к сонной душе, только «калибром поменьше».

Сонного дара лишен был до жалости Гончаров, назвавший лучшую главу «Обломова» сном Обломова, и Короленко со своим «Сном Макара», и, как это ни странно, Чехов, написавший «Черного монаха».

3

Во сне разрушаются дневные формы сознания или надтрескиваются, и сон как бы завязает в привычных формах яви: на 2x2 отвечаешь с большим раздумьем и неуверенно – «кажется, говоришь, 5». Но пространство со своей геометрией и тригонометрией летит к чорту, – такое в горячем сне, из которого сна пробуждение, как от толчка, и скачет пульс. В будничном сне все остается на месте, как в жизни: «снилось мне вяжу чулок...» (из снов нашей ягиной консержки³).

И нет ни прошедшего, ни будущего – время крутится волчком: на вчерашнее, которое представляется настоящим, наваливается, как настоящее же, и то, чего еще нет и не было, а только будет – ни впереди, ни позади.

Действие во сне не «почему» – то, а «здорово-живешь» и «ни-с-того, ни-с-сего». Закон «причинности» в жизни бьет в глаза – все что делается, все из «потому что», но ведь и в жизни разве все объяснимо? А в снах полная неразбериха.

Действие во сне можно представить, как ряды нагромождений вверх. И никакого, в принятом значении, смысла. Подлинный сон всегда ерунда, бессмыслица, бестолочь, перекувырк и безобразия.

«Кто ничего не делает, того нельзя осудить ни за что». А на поверку-то выходит не то: судят, да еще и как – приговаривали к высшей мере наказания.

«Тот, кто молчит, не может проговориться». – А вот поди и разболтался и всех головой выдал.

«Бас не пропищит дискантом!» – Слышите, пищит, невероятно, а ведь как отчетливо.

И все это неправда и о бездельнике и молчальнике и о пискливом басы, все это только из сонного «безобразия» – из правды сновидений.

Сон – образчик всякого преступления. Преступление – душа всех действий сновидения. И безнаказно. Но преступление ведь это мечта жизни, в непреклонной, запутанной законом, яви, в царстве кары.

Макбетовское «убить сон» – последнее и окончательное слово смерти⁴.

³ ...нашей ягиной консержки... – Одна из консержек в доме на улице Буало, где жил Ремизов; под прозвищем «Костяная Нога» упоминается в «Мышкиной дудочке».

⁴ Макбетовское «убить сон»... – Интерпретация слов Макбета из одноименной трагедии В. Шекспира, произнесенных им после того, как он заколол спящего короля Дункана: Казалось мне, разнесся вопль: «Не спите! Макбет зарезал сон!» – невинный сон, Распутывающий клубок забот, Сон, смерть дневных забот, купель трудов, Бальзам больной души, на пире жизни Второе и сытнейшее из блюд...<...> «Макбет не будет спать!» (Акт 2, сцена 2; пер. Ю. Корнеева)

4

Связан ли сон только с жизнью или жизнь только схватывает сновидение, окрашивая или подмешивая в свой алый цвет и втискивая в свою форму. И «сниться» значит «быть». А будет «быть» и «видеть сны» одно⁵. Тогда могу сказать, что человек, выходя из жизни, входит в чистый сон или так: сон продолжается и после смерти, но без пробуждений.

А снится каждому сообразно с его представлением о загробной жизни, пока не исчерпается все содержание веры и тогда душа человека искрой летит в океан. А кто никак не связан с «небом», продолжает «штопать чулки» или раскладывать слова, вообще заниматься делом своей жизни.

Продолжающееся бытие мертвых открывается в снах у живых. В сновидении единственное общение «этой» жизни с «той» жизнью. Только так мертвые и могут входить в жизнь живых и, возможно, что и живые могут что-то изменить в судьбе мертвых.

5

В снах есть форма и цвет, и звук, и запах – «повеяло морем». Цвет зеленый, красный, голубой, серебряно-снежный, но, я не знаю, мне не приходилось видеть во сне солнце.

Во сне всегда лунная ночь – Астарта, цвет мертвых. Из звуков – оклик, разговор, песня, музыка. А форма – от дня привычной и до чудовищной – все, что можно вообразить себе из нарушающего линейные представления. А бывает такое: опрокинуто и летит, – никакому воображению не поддается. Или надо сделать как-то так: прорвать бумагу и вывести рисунок не на другую страницу, а на палочках вверх – мудрено.

6

Если только через сон я чувствую связь с миром мертвых, то что и говорить о связи с миром живых.

О себе и о другом узнаешь из сна такое, о чем и не подозревал. И никакой разговор, никакое присматривание и вглядывание не откроют того, что так и просто обнаружит сон.

Во сне нет дневной условности и ничего не застит, и самому себя стесняться нечего, – душа нараспашку, а другой, как на ладони, во весь рост и телешом⁶.

О своей пражизни только и узнаешь, что из сна, тоже не так отчетливо и подробно и о других; и о будущем своем, тоже и о других.

7

Сон вернейший проводник мысли, только были бы открыты двери, не загромождены вещами жизни.

Сны бывают вялые – безразличные, и жаркие: по жарким путям передается мысль. Конечно, надо, чтобы и другой – к кому направлена мысль – подхватил ее.

Бессонному – как стене горох.

⁵ А будет «быть» и «видеть сны» одно. – Обыгрывание слов из знаменитого монолога Гамлета, начинающегося фразой «Быть или не быть?» (см. эпиграф к послесловию «Тонь ночи»).

⁶ ...телешом – гольшом.

Кто-то крепко подумал и написал мне письмо, а мне снится он, незнакомый. На утро я получаю письмо – это письмо от него: стало быть, его мысль проникла ко мне.

Незаполненного пространства нет, но пути забиты дневной необходимостью. Связь порвана или, вернее, завалена.

Конечно, зачем сны, когда и самые поддонные мысли можно передать через радио, но в другой мир – туда только один путь и иного нет: сновидение.

8

Во сне открывается завтрашний день.

Вот пример из будничной жизни: вижу во сне каких-то неизвестных мне детей, помню двух девочек-близнецов. «Чудно, думаю, приснится и к чему?» – мой первый вопрос по пробуждении. И забыл, неважно. И что же вы думаете, еду в метро и вижу, входит в вагон: мать и две девочки – ну как во сне.

Но в этот день ничего не случилось, стало быть, мой сон – ни к чему, а просто во сне прошло передо мной дневное завтра.

Мне случалось видеть во сне целые сцены из будущего и с подробностями и совсем не по-пустякам.

Что же получается? Или все уже готово до моего последнего дня на земле с живыми людьми; и мое «хочу» и «не хочу» только самообман. Я и не захочу-то потому только, что я не властен «захотеть» и всякие мои предосторожности и расчеты только игра: тешиться самовольем. И это дано, но судьба (предначертанное), возьмет свое. И самые верные предсказания не из рассуждений, а из сновидений, только бы... только б приснилось!

Так было в древних Оракулах, где были собраны только сновидцы.

Но много ль на земле сновидцев! Я думаю больше, чем думается. И что ж из того. В наше время предсказывают погоду – на предсказания мало кто обращает внимание. А о событиях человеческой жизни нигде не печатается. У Мартына Задеки есть общие: война, бедствия. Но мое – я могу только из себя или от тех, с кем связан – с кем проникаем. И не по глазу, а только из сна: сна о себе и сна обо мне.

Но о достоверности нечего говорить: прежде всего я сам себе не верю, а другому подавно.

9

В снах много игры в словах. Вот пример: я вижу Барановскую⁷; она стоит передо мной, как сделанная из костей и косточек. И я начинаю думать во сне, как думается в жизни: что же ее держит и как она не распадется? – И вдруг понимаю и хочу высказать свою мысль, но в миг моего ответа – возникает другой, кем-то заготовленный ответ: мне приносят связку *баранок*, а в окно я вижу: гонят стадо *баранов* и под моим окном *баран* и, сквозь курдюк, мне ясно видно: цинковая стойка, рюмки – «да это *бар*» говорю. «*Баран-овская*», – выстукивает музыка: бар с музыкой.

⁷ *Барановская* – Возможно, речь идет о Вере Всеволодовне Барановской (1885—1935), известной актрисе Художественного театра и звезде раннего советского кинематографа, эмигрировавшей в 1928 г. и умершей в Париже.

10

Есть сны календарные: предсказывают погоду. О ясной погоде я ничего не скажу, но о дожде и снеге это мне открыто. Смешно сказать: всякий раз мне снится наш ученый испанист и критик-философ К. В. Мочульский⁸. И мне не надо обзаводиться никакими мозолями и никакой ломотой – без них, как по барометру скажу: по Мочульскому – дождь.

11

Можно ли установить символику снов? – или, что то же, составить «сонник для всех». Символика передается по традиции – прививается с детства, значит, все-таки, что-то можно установить и руководствоваться?

Можно, конечно, но не наверно: символика снов не постоянна. Как скорость света колеблется в зависимости от времени, меняясь в каждый час дня, так и символы меняются по человеку и его душевному состоянию.

Классическое «гуано» по всем сонникам верные «деньги». По-русски это понятно: слово «гуано» санскритское, означает «добро», как имущество. А ведь случается и так: снится, ногой попал в кучу или мазнешься, а на утро не только никаких денег, а счет тебе подают, газовый или электрический, изволь платить. Вот тебе и «гуано»!

Тоже и с деньгами: деньги – серебро – слезы и, кажется, кроме неприятности ничего не жду, а хватать – чек на 1000 фр. Вот тебе и раз!

На Сонниках и даже на «восточных» далеко не уедешь.

12

Есть сны сухие и есть клейкие. Сухие исчезают при первом оклике, даже при первой мысли о пробуждении. А «клейкие», они как всадились и крепко, по крайней мере до вечера, никакая суетолака их не развеет. И под ними ходит человек, тычется или весь день горит в тоске.

13

Самое тягостное в снах: возвращение из прошлого: события и лица – казалось бы из позабытого навсегда.

Или ничего-то не погибает – и прошедшее живет в настоящем какими-то наслоениями, не отмирая? Какой груз несет моя душа!

14

У писателей сны принимают литературную форму, привычка-ремесло: интересно как у музыкантов? Но что удивительно, у людей, ничего общего со словом, вдруг снится – и часто единственный и на всю жизнь памятный сон – полной поэзии. А ведь это все равно, как камни, которым открыты только глаза, немые камни вдруг бы да запели!

⁸ Мочульский К. В. (1892—1948) – критик и историк литературы. В своем дневнике Ремизов писал, что в его книгах «и Гоголь и Достоевский выходят коротенькие. Мочульский доброжелательный, сердечный и очень образованный, но силы его ограничены, и не „свое“, „загадочное“ он переводит на общепринятое» (*Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 224*).

Или «поэзия» и есть самая сердцевина нашей загадочной жизни – душа бесконечного мира.

15

Есть способ наловчиться припоминать сны, только это совсем не так, как вспоминаешь прошедшее в жизни.

Вот что говорит наш легендарный Мартын Задека:

«По пробуждении от сна напрягается ближе к макушке, откуда и надо зацепить, и тащи, не обращая внимания».

Попробую.

Сколь счастлив сочинитель, послушный моим внушениям, он не станет корпеть по ночам, он записывает все, что ему взбредет на ум, хотя бы даже собственные свои сны, тратя лишь свою бумагу, зная заранее, что чем больше будет вздорной чепухи в его писаниях, тем вернее угодит он большинству, т. е. всем дуракам и невеждам.

Эразм Роттердамский (1466—1536) «Похвальное слово глупости» (1508—1509)

Ивица

Она и одета как-то странно: кукла. Такие куклы я видел в музее. Свой странный наряд: длинную ивовую палку, ожерелье и камнями продетые опуты повесила она в сенях на гвоздике. Мы ее давно не видели и только слухом было странные истории, смеялись: «ведьма». И как это трудно разговориться после стольких лет. Но едва я проговорил: где за эти годы пропадала и что поддельвала? – она смущенно поднялась и прощается. Мы смотрим долгими глазами – до белых глаз.

Наш дом среди поля. Прямо на земле, без фундамента, и нет ступенек. Много собралось гостей. Не всех узнаю. И только что хочу расспросить о тех... все куда-то ехать собрались. Прощаются. И один за другим – саней полон двор – в сани садятся. Колокольчики позванивают.

Выхожу и я. В сенях на гвоздике странный кукольный наряд: забыла! И мне чего-то беспокоит, что забыла. Прохожу во двор. А в саях полно, и куда приткнуться, нет свободных, сани за санями отъезжают со двора. «Подсадил бы кто!» я кличу. Нет ответа. Черной лентой сани кружат поворот.

Ночь. По дороге снег. Луна.

В черную дверь я вернулся. Опустелый дом. Воет ветер. Знаю, только я останусь и не уйти мне. И из лунной дымы белыми глазами: «не уйдешь». И в слепой тоске я прохожу в сени. Снял я с гвоздика ивовую палку. И с палкой во двор. И стою.

Ночь. По дороге снег. Луна.

Я поставлю палку в снег – закручу и мчусь. И крутя, я мчусь. И я мчусь за ветром, шибче ветра и быстрее луны.

Черные по белому сани бегут – сани за санями – колокольчики позванивают.

На последних санях вижу: она закутала платком себе плечи – снег по серой печали припорошил серебром. И белые в серебре кусты. И я обгоняю поезд. Остановился. Моя ивовая палка – луч в луну. А сани там – далеко впереди и только черный след в глазах.

Мчится лунный свет и я в луне, я сам как лунь, где снег, где я, и зеленый колокольный – беспощадный – мерный – безответно – безнадежно мчится белая дорога – путь.

Без дороги мчусь я: то обгоню, то отстану. И в отчаянном последнем взвие моя ивовая палка пополам.

И крутя луной, кружу – ветер – я – луна.

Медведица

Все в гору и выше. За плечами тяжелый мешок. Будет ли мне когда отдых! На пути стала ель. И я остановился. И до меня доносит: кричит зверина. Я наклонился: а под обрывом, на самом дне, вижу плоский серый камень, и кувыркаются и пляшут на камне медвежата. И тут в игре их вдруг – и медвежата, их в серый комок закрутило. И все затаилось.

И я о тебе вспомнил.

От кишашего серого камня отделяется... или на дыбы стал камень? Но это был не камень, а серая медведица. Голубые глаза переливались в сталь и елочную зелень. Резко посмотрела она на меня и под ее взблеснувшей сталью стою скован.

И опять я о тебе вспомнил: люблю тебя – до черной тоски.

И напрягши до белой жари огонь моих непокорных глаз, я зеленой пригоршней кинул огонь в ее пучинную ледяную глубь. И я видел: крутя головой, она вскидывает лапы и – в глаза, по глазам себе, очень больно. И, вытянув перед собой лапы, пошла.

Я и зеленая ель, не отличишь, но и слепая она меня видит и идет, ловя. Она меня увидит, не ошибется. И стало между нами так тесно, разве что муравью перебежать. И не лед – теплом в меня дышит. И серая пуховая мякоть кутает меня – мои ноги, мои руки, мою грудь и плечи.

«Я беспощадная роковая сила!» беспощадно прозвучало мне в сердце.

И под неуклонно-пронизывающей синью, глаза мои закрылись.

И я увидел: не лапы, а тянутся ко мне, в венок сплетаясь, весенние ветви – твои алые руки. И легким веем, но я различаю, в горячих губах горький стон.

Кошка

Ловили кошку. И поймали. Поставили на стол, как ставят цветы. Кошка постояла немного, съела цветы и ушла.

Спутник

Наконец-то меня приговорили. И это будет не гильотина, не виселица и не расстрел, а мне самому себе найти казнь.

С каким тупоумием шел я по трамвайным рельсам, высматриваю, где бы половчей попасть под трамвай. Я был уверен, едва ли кому в голову придет, нашелся такой дурак бросаться под трамвай. Не ночь, а улицы вымерли, никого и никаких трамваев. И не находя другого выхода, время не ждет, я подымаюсь по стеклянным площадкам, не то это дворец, не то больница. И поднялся к самым трубам. Подо мной, я отчетливо вижу, и трамваи и автобусы и автомобили, и народу – одни обгоняют, другие топчутся на месте, и все в маленьком виде, а видно. «А как же мне спускаться?» – подумал я, и во сне я понимаю, высоты и провалы не по мне, готов как угодно, стану на четвереньки и ползком. И от одной мысли: «надо спускаться», я полетел вниз. И шваркнулся в черный сырой погреб.

В руках у меня электрическая лампочка, длинный провод. Все ниже по каменным ступенькам, освещаю себе под ноги, и выступы. В погребе спрятана лампа и никому не дается, а я должен найти эту Аладинову лампу, воспламенить ее оцепеневшую силу, и талисман откроет передо мной все дороги. И последнюю на – казнь. И я вспоминаю: эту лампу какой-то марид⁹ похитил у меня, а меня бросил в змеиный ров на медленное жало, и это случилось, когда я жил на Мадагаскаре.

И я вдруг очнулся: стою на площади у лотка: разложены на лотке красные парные куски, мадагаскарская говядина. Я выбрал себе почки, любимое кушанье людоедов. Но тут чьи-то руки, лица не вижу, под носом у меня расхватили весь мясной лоток. И я отхожу ни с чем. Ледяная мысль спускается до сердца: мысль о моей безвыходности.

Place Denfert Rochereau, Бельфорский лев. Или как сказалось во мне: Бельведерский и не один, вижу, два льва. И как буду между львов, один, подстриженный, куксился, а другой, косматый, подает мне лапу, и умильным голосом, как лапой по ушам, меня погладил.

«Послушай, спутник!» сказал лев...

И я задумался: «спутник» от слова «путать»? И очутился в саду.

А какой это был сад – какой это садовник придумал. И мне страшно захотелось пить. А передо мной колодец, стоит только повернуть колесо. И я верчу. Но с поднявшейся водой вспыхивает огонь. И я видел, как вода заливают огонь, а огонь слизнул воду.

Я верчу колесо: льется вода: вода и огонь. И злая мысль ползет мне в сердце:

«Ты покинула меня».

⁹ *Марид* – демон, джинн в арабской мифологии.

Великан

Бег его так быстр, подогнуты колена, квадратом шея, трубою хвост, а голова – мышь: конь бежит, мышь бегает. Наскочил конь на быка. А бык не простой – рогом – серпами под небеса, сзади насиженная желтая клеенка, квелые ноги.

Я протянул было руку к засиженному хвосту погладить, но бык и конь сцепились. Белая и желтая ромашка запорошила поле. От быка клочья, но рога конь не сшиб: торчат.

Крутя квадратом, бежал белый конь, мышь впереди бежит – светляки, мигая, ей светят путь.

«Очередь за мной!»

Я приготовился на съедение коню, а попал на болото.

Золотые клочья по ватному парчевому одеялу. Бескрылые черные птицы бледной тоской черничек. И два серебряные серпа маятником по осеннему небу. Прислушиваюсь: вот закукует кукушка – моя, часы с кукушкой.

И одна из птиц, клювом говорит, показывая на руки:

«Вылови лягушек, выполи водоросль, проберись через осоку, тогда пробьет твой час».

«А сколько часов?»

«8 – 4 – 2...»

«Сущность вещей число!¹⁰» и, повторяя «8 – 4 – 2», вхожу в озеро и, сквозь тину, иду.

Грозь зеленой дубинкой, навстречу великан.

«Быка я не тронул, конь меня не съел, но теперь мне конец».

Великан высоко поднял руки и, ухватя серпы, уходит в землю. Ни рук, ни ног, одна голова из земли. А над головой маятником серпы, как и раньше, два рога.

И кукует кукушка.

Я считаю: 12.

И из озера выходят: их семеро, суровые, и сухи, крепки и белы – рыба кость. Костяными тисками они окружили великана – его голову.

«Тебе за это вычтут там, из вечности».

И услышав себе приговор, вся моя память запылала. Пепельные мыши сверляками взблеснули в глазах.

«Ты в душу мою вошла, и я похороню тебя вместе с собой!»

И голова великана ушла под землю.

¹⁰ «Сущность вещей число» – один из постулатов мистического учения пифагорейцев. См. также коммент. к «пифагорейскому» сну «Чучело».

Бескрылый

Палкой в спину – и тащусь домой. По-заячьи не прыгнешь. Но мысль не выбить никакой палкой. Заботы и тревога, встречи и слова ни к чему. Хочу все знать, а как люблю тебя, я знаю. Но почему ж такой сумрак?

«Земли под твоими ногами мало», шипом он из стены отвечает: я его не вижу, а он меня слышит.

Я обернулся. За моими плечами стена. И чувствую, как подымает, и это не стена, не серое, а синее небо в глазах.

«С крыльями земли не надо, говорит он глазами: глаза его звезды, посмотри!»

Я нагнулся.

И вся-то земля подо мной.

Так вот в чем дело: вера – крылья, а между нами нет веры, и вот почему сумраком задавлена моя бескрылая любовь.

Зеленая заря

Он живет между одеялами: голубым и алым. На мне еще сверх голубого: вишневое – на него все любят и брусничное – в мои тревожные ночи на нем точила свои белые острые зубки усатая мышь.

Голубое и алое, знаю, с вами я никогда не замерзну. Потому он и выбрал себе это самое теплое местечко.

И все-таки, это он гнет мою спину, выговаривая, что я замерзну. И случится это так просто и незаметно, как осенний Чайковский вечер переуныживает в ночь – и в ту последнюю ночь во мне все зазвучит – мой последний человеческий взлет.

Но я не хочу и не верю, что так будет и не может не быть. И во мне подымается весь мой упор. И сам подымаюсь.

Ни голубого, ни вишен, ни мышки и только белое, и на белом одно алое. И из алого торчат заячьи уши.

Я нагнулся над зайцем.

А это оказался вовсе не заяц, а заячьими ушами горят глаза: зеленоватый свет разгорается.

Он ничего не говорил, ни о чем меня не спрашивал – он только смотрит. И его зеленое волной катилось из, зеленью налитых, сияющих глаз.

И я поднимаю руку, обороняясь – моя глазатая рука глубоко дышит.

Все подсердечные тайники моей души освещены.

И он читает:

«Без тебя и дня не могу прожить».

Зеленые волны паутинными нитями вились и, завиваясь, кружили – плывут. И прямо в глаза мне не осенние паутинки, а ежиные иглы вливают свои студеные жала. Отравленный болью, вдруг я чувствую неизбежное – мой конец – и все во мне поет.

И в глазах не белое, не алое – моя не алая зеленая заря.

На луну

Квартира в пять комнат. Две заперты – «мебели не хватило». Другие две, не меньше концертного зала «Лютеции», обои розовые, местами, от сырости, оторвались, висят серые куски. И третья, одна только и запирается, и к ней длинный коридор, уставлен буфетами.

Вхожу без стуку.

«Зачем, говорю, вам пять комнат?»

«Когда большая квартира, виновато отвечает Блок¹¹, из кухни ничего не слышно».

«Да мне хоть бы десять, только ни к чему».

Комната больше тех двух розовых: на одном конце говоришь, на другом не слышно. Синие обои, лепные украшения на потолке: птицы, гады, травы. В полстены буфет: с одного конца цельный, с другого двухъярусный, набит книгами и птичьим пером.

«Неразрезанные, показывает на книги Блок, а это рояль, беспримесный, абсолютный звук».

Рояль пепельно-зеленый, привинчен к стене, ножками не касается пола.

«А как же играть?»

«Лунными руками».

И появляется весь в белом, синие глаза, похож на Блока, но губы тонко сжаты. Сел за рояль и не сводя с меня глаз, будто читая с моего лица ноты, начал играть, пальцы розовые.

И еще четверо похожих, белые, они вышли из звуков и, сплетаясь, закружились. И я невольно верчусь с ними и чувствую, как весь я переменялся: мое лицо перелистывается как ноты.

И мы впятером, кружась, подымались над роялем к потолку, и не потолок, а над нами ночь.

«Куда мы?»

«На луну!»

¹¹ Блок – один из постоянных «персонажей» ремизовских сновидений. О сложных прижизненных отношениях между двумя писателями см.: Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920). Вступ. ст. З. Г. Минц; Публ. и коммент. А. П. Юловой. – Лит. наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 63—142.

Чучело

Моя комната в больнице для двоих. Я один. Кровать, столик и табуретка, а в головах чучело: тигр. Как живой стоит, не спускает с меня глаз – моя сиделка. За сиделку надо платить, а с тигром и так обойдется. И пыль не нужно смахивать, самораспыляется, и не курит.

«Ваша Rue Voileau¹², говорит Блок, ничуть не меньше 14 линии Васильевского Острова¹³», и проходит в соседнюю комнату: там он собирается окончить свою пифагорейскую поэму: «Сам сказал». Поэма нигде не напечатана, и не войдет в полное собрание сочинений.

Лицом к тигру, я продолжаю свою мысль о Пифагоре. Про Пифагора говорилось, что «пришел на землю не бог, не человек, а Пифагор». А основанная им «обезьянья палата» называлась «Союз пифагорейцев»: бесприкословное и *упоенное* повиновение царю Асыке, учителю Пифагору: «Сам сказал»¹⁴.

От Пифагора перехожу к «Слову», о тайне слова, Тигр внимательно следит за моими мыслями, по его глазам замечаю.

«Слово возбуждает дух, от слова умиляется сердце и яснее ум. Но тайнее тайны слова – тайна слуха к слову. Слово беззвучно, звучит только по чувству кто его произносит и по чувству того, к кому обращено: не любить – не слышать, любить услышать, даже больше чем будет сказано. В начале было слово, нет, в начале было чувство – расположение к слову: без твоего чувства никогда не прозвучит слово – оно и самое высокое и самое громкое и самое сокровенное останется безразличным знаком, а если перевести на литературу, «ничего не понимаем».

Тигр качнулся, и лапы его пригнулись.

«Оживает!» подумал я.

И выхожу – «дверей не буду затворять, я сейчас!»

Слякотно как осенью. Ветром наносило на тротуар желтые листья. Пустынно и тоскливо, как на выставке собак.

Ни ветер, ни листья, живые человеческие губы, вздрагивая, мне внятно повторяли:

«Буду я тоской томиться...»

Тигр по-прежнему стоял в головах, но голова его была глубоко наклонена. И я хожу по комнате и чувствую, что и не глядя, он следит за мной.

«От любимого человека, продолжаю свою мысль, слово звучит совсем по другому и никогда не дойдет слово от нелюбимого».

И я выхожу к Блоку.

Комната в коврах и вся заставлена. Едва я пробрался к столу. Блок, не отрываясь, пишет: «Сам сказал».

Я говорю ему о моем Тигре: «оживает, и что нам делать».

«Потускнеет!» говорит Блок и поспешно свертывает рукопись уходить.

«И что же осталось, говорю, от гармонии чисел и музыки небесных сфер?»

«Пифагоровы штаны», ответил, не обертываясь, Блок.

¹² Rue Voileau – улица Буало.

¹³ 14 линия Васильевского Острова – последний петербургский адрес Ремизова.

¹⁴ «пришел на землю не бог, не человек, а Пифагор»; А основанная им «обезьянья палата» называлась «Союз пифагорейцев»; ...царю Асыке, учителю Пифагору... – Темой сна является ироническое сопоставление мистико-философского Союза пифагорейцев, по преданию основанного полуполюгендарным греческим философом Пифагором, с придуманным Ремизовым шуточным «тайным обществом» Обезьянья Великая и Вольная палата, которое возглавлял «обезьяний царь Асыка». «Сам сказал» – формула, принятая в Союзе пифагорейцев для обозначения абсолютного авторитета Пифагора.

Стемнело. Или и всегда было темно, но только я сейчас так отчетливо понял всю мою темь.

Окно без занавесей – пустые глаза. И два зеленые огонька мне сверкают из тьмы. Шопотом я покликнул Блока и, не оглядываясь, тихонько вышел в коридор. И у меня такое чувство, лучше было бы пропасть, эти глаза – истомили.

«Буду я тоской томиться...»

– звучит мне и во мне переговаривает.

По стенке пробирается кто-то, лица не вижу. Я коснулся до него рукой; шершавый.

«Не видали ли, говорю, Блока, сидел у меня с Пифагором?»

И тот, тряся лохмами, озирается, точно хочет сказать, что он не Блок и вовсе не Пифагор. И еще чьи-то руки и лохматая спина и не одна – как винные ягоды нанизаны, руками по стенке.

«Куда вы, говорю, там нет никого!»

И не могу понять, как они могли войти в дом, дверь заперта, или их впустил Блок.

И я отворил дверь в кухню.

Но войти и думать нечего. И все разряженные и говорят, понять ничего нельзя, и уверенно, без возражений.

«Кто вас пустил, говорю, и разве я вас звал?»

И слышу в ответ и все понимаю:

«Кого захочет наградить Бог, в окошко пошлет».

«Дверь не заперта, вдруг вспоминаю, да ее сам, выходя, оставил открытой».

И ощупью пробираюсь медленным коридором к себе, повторяя: «потускнеет!» И дойдя, наконец, до своей тигровой комнаты, и приоткрыл дверь и тянусь рукой зажечь электричество.

И я видел: как желе, тряслись и таяли зеленые огоньки, и Блок над Пифагором. Я очень обрадовался и смело вошел – вошел и пропал: у меня на глазах тигр меня съел.

Альбом

Альбом со стихами. Стихи не написаны: разноцветные кружки и фигурки. Читает Блок. И мы летим. Над головой прямо на нас спускается огненный шар – черные гривой космы делают его еще несговорней, как для моих глаз месяц на ущербе. Я повернулся на спину, лечу, как плыву. А шар в глаза, не миновать, перережет. Блок, обратившись в лягушку, нырнул в воду. А я только и успел, что закрыл глаза и под толчком очутился в водосточной трубе. Свинцово – сыро и зелень – крыжовник.

«Слава Богу, говорят, теперь вы хорошо устроились».

Туфельник

Когда бы я ни проснулся, всякое утро он сидит в моей туфле: вроде он крысы, только шерсти на нем нет, по голому редкие длинные волоски.

Проснулся я – мое жестокое утро! – и он так и бежит, да скоро так бежит, то в сторону и назад, то наискосок и кругом, очень забеспокоился: видит, я проснулся, а туфли и нет, сидеть-то ему негде и мучит меня.

Вы, мои беспросветные при утреннем свете мысли и неизбывные – о тебе, ты моя крылатая лазурь! – и почему в твоём голосе мне слышится загубленная жизнь?

Вот отыскал он туфлю, вот он уселся в ней, сидит и смотрит, облезлый караульщик мой.

Нет не продам я его – нашелся один, сосед просит: продай. Как же расстаться нам, погасить мою мысль?

Знаю, я бессилён поправить в твоей судьбе и в моей с тобой, но не думать я не могу.

И вдруг я понял, что чужак сосед мой скоро с ума сойдёт.

У хвоста

Магазин «Hôtel de Ville¹⁵». Почтовую бумагу взял, а пакет с конвертами забыл. А у нас ни жеванного, а писать письма надо и не «описания природы», а все о деньгах. Придется вернуться.

Подходит нищий: голова тыква, голая, ни волоска, а уши – тоненькие красные ручки. А у меня нечего подать, все ухлопал на бумагу и конверты, только что на метро. И я скорее назад в «Hôtel de Ville». Да никак не могу найти, пропал из глаз. А этот нищий оборвал себе уши и сует мне в руку красные ручки.

«Да на что они мне, говорю, мне надо конверты».

«А как же, отвечает нищий, ходить с ручкой».

Тут наехала на меня лошадь: тележка – камни и песок возят. Ухватился я за край – думаю: «продержусь как-нибудь». А какая-то мышинная бабушка, черная бархатка на цыплячьей шее, тоже подмята, цапается за телегу.

И перевернулась телега, и я очутился у хвоста. Кричу: «остановитесь!» Да из под хвоста кому слышно. И терпеливо тащусь, слежу за хвостом.

Улица за улицей, конца не видать. Наконец-то лошадь остановилась, хвостом по глазам махнула. И я очнулся.

И что же оказалось: самый обыкновенный московский извозчик, а я в пролетке, с боков у меня гора – пакеты с бумагой, и сзади гора – конверты: извозчик заснул и лошадь по своей воле идет.

¹⁵ «Hôtel de Ville» – здание, в котором размещается городская администрация Парижа.

Брандахлыст¹⁶

Сварил я кусок говядины и режу на тоненькие ломтики: «положу, думаю, в суп: очень у нас жидковато, одна вода». Режу и все раздумываю, какой это выйдет суп наваристый куриный.

«Вскипячу раза два и все съем зараз».

И когда я нарезал полную тарелку, а кусок по теперешнему (1942) порядочный, на две «тикеты»¹⁷ 90 г., и оставалось только с тарелки в кастрюлю положить, вдруг вспоминаю: этот самый кусок на две «тикеты» вчера мною съеден, помню хорошо, без остатка, чистая тарелка.

И я проснулся с досадой: ни класть, ни мечтать не о чем?

¹⁶ *Брандахлыст* – наваристый (или – иронически – жидкий) суп.

¹⁷ *на две «тикеты»* – Ticket – (фр., букв.: билет, квитанция) – во время немецкой оккупации – продовольственная карточка; после войны – купюра достоинством в одну тысячу старых франков (что равно 10 новым).

Мой портрет

В саду на дереве медная пластинка, вытравлен портрет: допотопное чудовище много-рогое и глаза не на месте. Подпись: мое имя и фамилия художника.

«Как он меня изукрасил, подумал я, хочет оправдать».

А художник и идет, узнаю по портрету: спереди, сзади и из карманов висят груши. И я спрятался за картину, выглядываю: узнает свое произведение или пройдет мимо?

А он грушей в меня как ахнет и попал прямо в глаз: «оправдал!»

Сорокоушник

«Не то страшно, говорю, что некуда пойти, а страшнее, что некуда возвращаться».

«А мне дверей не надо, я религиозный, отзывается мой гость сорокоушник¹⁸. Ни входа, ни выхода и никакого олимпийского тумана, я от голода религиозный».

«Что и от чего, говорю, не важно, все дело в искусстве вызывать в человеке его тайные силы: лошадь из пчелы или слона из розы или, если хотите, кита из инфузории».

И начинаем наперебой разворачивать слова:

«Лошадь – шадь; слон – лон; ря – ря – ды – ды – ря – ря».

«Не могу, гу-гу». Задохнувшись, сорокоушник.

¹⁸ *Сорокоушник* – тот, кто читает «Сорокоуст», поминальную молитву на сороковой день после похорон.

Из ничего

Бумага из четвертого измерения: нарезаны квадратики, ни карандаш, ни перо не берет, и ничего общего с промокашкой. А называется бумага «ничего».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.